

Е.В. Папилова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНЦЕВ В РОМАНЕ ВС.С. СОЛОВЬЕВА «ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО»

В основе исторического романа Вс.С. Соловьева «Царское посольство» лежат реальные события направления царем Алексеем Михайловичем дипломатической миссии в Венецианскую республику в 1656 г. Русские послы, впервые оказавшиеся в Европе, дивятся всему увиденному, невольно сравнивают с российскими реалиями, разубеждаются в своих домыслах о «чужих» народах или наоборот укрепляются в них и еще больше мифологизируют их. В статье роман анализируется в контексте имагологии, рассматриваются стереотипные представления русских и итальянцев друг о друге. Автор определяет стереотипы восприятия нациями друг друга, подчеркивает особую роль в этом религиозного сознания, делает вывод об эмоциональной насыщенности взаимодействия представителей двух стран.

Вс.С. Соловьев, «Царское посольство», историческая проза, Россия XVII в., имагология, образ России, образ Италии.

Всеволод Сергеевич Соловьев (сын историка С.М. Соловьева) принадлежит к так называемому «второму ряду» русских писателей второй половины XIX в. и известен, прежде всего, как автор исторических романов. «Царское посольство» – один из них, написанный в 1890 г. Сам автор высоко ценил этот роман, в письме другу он писал: «По отзывам людей, это самый веселый и игривый, самый интересный из моих романов; сам я его люблю очень, и писал его с отпуском <...> и вынашивал долго» [6, с. 127].

Действие романа происходит в 1656 г., в царствование Алексея Михайловича «Тишайшего». Царь снаряжает в Венецию посольство, цель которого – упрочить отношения с итальянским государством, просить средства на борьбу с общим врагом – турками и наладить торговлю венецианских купцов с Архангельском. Царское посольство в составе 33 человек отправляется из Москвы и от Архангельска морским путем направляется к Венеции, по пути совершая остановки в Ливорно и Флоренции. Главные действующие лица – воевода Алексей Прохорович Чемоданов, дьяк Иван Иванович Посников и толмач Александр Никитич Залесский.

Первые два из перечисленных персонажей не вымышлены, а взяты из исторических документов, ведь в основе сюжета лежит подлинная история русской миссии в Венецию во главе с Чемодановым. Имея (в том числе благодаря отцу – знаменитому историку) доступ к историческим архивам, Всеволод Соловьев внимательно изучил материалы посольства и использовал их в работе над романом. Со слов историка А.Н. Сахарова, в архивах «сохранилось дело этого посольства: “наказ” царя Алексея Михайловича посла, отчет <...> о путешествии и выполнении царского поручения, все сопутствующие документы» [8, с. 4], что дает основание утверждать, что в основу романа, бесспорно, легли реальные исторические со-

бытия. Кроме того, помогло и личное знакомство автора с Европой, в частности с Италией, о чем свидетельствовал дореволюционный критик П.В. Быков [1, с. 53].

Главный герой – Александр Залесский – персонаж вымышленный, введенный в историческую канву [7, с. 167]. Он влюблен в дочь Чемоданова, Настю, но вражда отцов двух семейств (Никиты Залесского и Алексея Чемоданова) не оставляет влюбленным надежды на счастливый брак. Однако в качестве переводчика с посольством едет именно Александр – и не только потому, что царь задумал примирить два враждующих знатных рода (их вражда, особенно в итальянском контексте, напоминает конфликт «монтекки» и «капулетти»), но и потому, что Александр – один из немногих русских, кто знает латынь и бойко осваивает итальянский. Своей образованностью он обязан Федору Михайловичу Ртищеву (человеку, также реально существовавшему [6, с. 135]). Этот боярин, сподвижник царя, резко отличался от своих современников тем, что, вопреки царившей в допетровской «дремотной» Руси отсталости, он являлся проводником прогрессивных идей. Много общаясь с жившими в Москве и приезжавшими по делам иностранцами, он убедился, что «у “немцев” лучше, куда они богаче и разумнее. А все почему: потому что у них есть наука, а русские люди в темноте ходят, дальше своих четырех стен ничего не видят. <...> Нужно поднять сыновей и внуков, нужно им открыть глаза, просветить их науками, – тогда и у нас все пойдет на лад, тогда и наша жизнь будет несколько не хуже, чем там, за морями. Учиться и учить надо!» [9, с. 24]. Соединивший в себе гармонично «древнерусское православное благочестие, евангельскую духовность и западноевропейское просвещение» [6, с. 135], Ртищев основывает в Москве Андреевский монастырь, куда для обучения способных юношей при-

глашает из Малороссии считавшихся в то время просвещенными монахов. В первый набор попадает и Александр, удививший Ртищева страстью к чтению. Юноша всецело отдается учебе, что рождает непонимание и опасения его родителей, чей интеллектуальный уровень очень низок: боярин Залесский (так же как и Чемоданов), хотя и умеет читать и писать, но кругозор его крайне скуден, он «учит» жену кулаками и советуется с мракобесом отцом Саввой, предвосхитителем староверческого учения. Под стать Залесскому и его жена Антонида – неграмотная, загнанная бытом женщина, получающая информацию извне только от перехожей странницы, рассказывающей ей, что «в городе Калуге летает змей огненный, и что поповская корова отелилась теленком о трех головах, и теленок этот говорит человеческим голосом» [9, с. 35], чему она наивно верит. Оба родителя против обучения сына «латинщине» и в штыки воспринимают новость о его отъезде в Италию: «Санюшку царь посылает к басурманам на погибель, <...> будут рвать нехристи на части и кидать его тело белое черному воронью» (Там же, с. 93), – рыдает Антонида.

Преодолевая страшный шторм и преследования пиратов, посольство прибывает в Венецию, где попадает в гущу разнородных чужестранцев: «Кого, кого здесь не было! Сюда сошлись люди изо всех стран – и немцы, и испанцы, и французы, и англичане. Все они отличались друг от друга <...> Но вот между ними оказывались люди уже совсем на них не похожие, совсем иного типа и в иных, по большей части длинных, одеждах. То были греки и всякие азиаты. Наконец, к изумлению своему, Александр увидел людей с лицами черными и блестящими, с толстыми синими губами и сверкавшими белками глаз, в тюрбанах, расшитых куртках и широчайших шальварах» (Там же, с. 154–155). Дипломаты оказались в стране, абсолютно не похожей на Московию, где все – климат, наряды, кухня, зодчество, нравы – ежеминутно удивляет их. Направляясь в Венецию, Чемоданов не верит, что город может быть построен на воде, называет это враньем (Там же, с. 124), и все-таки вынужден признать свою неправоту. Попав в новый мир, герои передвигаются на *гондолах*, живут и наносят визиты в *палаццо*, ужинают в *трапториях*, вместо привычной ромanei пьют красные и белые *вина*, вместо пирогов и кулебяк едят *сорбеты*, вращаются среди необычно одетых *синьор*.

Сама погода – яркий контраст привычной им: «Зимы, несмотря на вторую половину декабря, и в помине не было. Теплынь стояла, будто весною. В чудных садах росли невиданные лимонные и финиковые деревья, и были те деревья все в плодах» (Там же, с. 128). Когда итальянец, кутаясь в свою епанчу, спрашивает Александра, не холодно ли ему, тот отвечает: «Холод! Вы это называете холодом... в январе месяце! Вот у нас в Москве теперь так холодно, стоят лютые морозы, без шубы на улице не выйдешь» (Там же, с. 160–161).

Дворцы Италии восхищают москвитов своим величием. Всякий раз являясь на прием, они вынуждены «смутиться и растеряться» (Там же, с. 180). Даже дом купца Лонглана в Ливорно, куда поселили гостей, «оказался обширным, таким, какого на Москве не было и у самого богатейшего боярина. Убранство оказывалось тоже отменным. Покои <...> были свет-

лые и большие, с высокими окнами, сквозь которые как есть все было видно, так как в окна эти вставлена была не слюда, как на Москве, а значительной величины чистые и чудесные стекла» [9, с. 128]. Палаццо итальянской знати – контраст хоромам даже богатых бояр: «маленькие-премаленькие, низенькие-пренизенькие. Проветрены они плохо, и от частых постов сохранился всюду такой промозглый рыбный запах, что его ничем не выкуришь» (Там же, с. 17).

Изумление русских вызывает бал – «пляс, да такой, о каком на Руси никогда не было и слыхано. <...> Ишь, поганцы, ногами-то что выкидывают! Шабаш, как есть шабаш!» – критикует Чемоданов. «“На такое позорище греховно и глядеть-то!” – отвечал Посников, крестясь и жмуря глаза. Но поглядеть все же тянуло» (Там же, с. 133). Итальянок (хотя и Чемоданов, и Залесский увлеклись ими) они оценивают так: «голошеи, голоручки» и «бесстыжи», «сраму-то, сраму!» (Там же, с. 133).

Во Флоренции русских поражают ковры и гобелены, изображающие библейские сцены. Невольно сравнивая их с православными иконами, Посников рассуждает: «К чему оно? <...> Образа, иконы в церквях – это дело угодное Богу, святое... а сие – кощунственно оно как-то <...> Нечто человек своим искусством до такой живости дойти может? Так кто ж ему поможет обнаженные-то телеса изобразить, как не дьявол?». Эти доводы кажутся Чемоданову убедительными, и он «старался не глядеть на гобелены, а когда нечаянно взглядывал, то сейчас же отводил глаза и про себя читал молитву» (Там же, с. 148).

Москвиты любят магнитом, «поднимавшим полтора пуда железа», шарами, «на коих написаны все государства и все планеты» (глобусами), выдрессированными лошадьми (Там же с. 149). Они впервые попадают на оперу. Чемоданов охотно соглашается на то, чтобы итальянский живописец снял с него *парсуну* (портрет), а Посников наотрез отказывается, боясь, что «немец» напустит на него какую-нибудь порчу (Там же). Придворный поэт преподносит Чемоданову сонет в его честь, но тот понял смысл этого жеста лишь после объяснения Александра. Обидевшемуся, что ему не оказана такая же честь, Посникову преподнесли сонет позже, но на гораздо более красивой бумаге, и теперь обиделся Чемоданов (Там же, с. 150). Приключения послов в Италии наполнены подобными, полными доброго юмора, комичными ситуациями, в которые герои попадают по незнанию местной жизни.

Послы постоянно озабочены тем, достаточно ли почтительно относятся иностранцы к представляемой ими стране, монарху, к ним самим, и требуют уважения. Обращаясь к губернатору Ливорно, Чемоданов говорит: «Скажи ты ему, что наш государь – самый великий государь во всем мире, что богатства его неисчислимы, что страна наша самая великая страна и что всего у нас в изобилии – злата и серебра, мехов драгоценных, камней самоцветных и всякого богатства» (Там же, с. 130–131). Он упоминает мощь царской рати и то, что Русь «сбросила с себя иго поганых» и «во веки веков невредимой останется».

Стремясь не уронить перед итальянцами лицо, Чемоданов приказывает посольским ничему не удивляться явно: «Рты разевать не смей! – грозя пальцем,

крикнул он. – Что бы ни увидели – делайте вид, будто и не видите, а коли и видите, то не примечаете <...> Только чтобы эти немцы, али там итальянцы, что ли, вашего удивления не замечали. Ведь они, поганцы, над вами издеваться станут. Ишь, скажут, серые мужики наехали, дома-то ничего, видно, изрядного нету, беднота, видно, голь перекатная...» [9, с. 128].

В романе показаны не только стереотипы восприятия русскими итальянцев, но и наоборот. Знатная синьора Анжиолетта, расспрашивая своего чичисбея (слугу-компаньона) о далекой варварской Московии, узнает от него, что «там в течение двух недель, а не то трех месяцев, совсем не видно солнца», «большую половину года там идет снег, идет без остановки, день и ночь, так что образуются целые горы», сквозь которые московиты, преследуемые белыми медведями, роют коридоры, а мороз такой, что они и в нескольких звериных шкурах замерзают, а глаза их от холода лопаются. На удивление синьоры тем, как же может человек так жить, чичисбей заверяет, что «они и погибают в огромном количестве», и только благодаря тому, что русские женщины рожают каждый год, а часто и по 2–3 ребенка, население не уменьшается (Там же, с. 104). И хотя Анжиолетта и сомневается в правдивости этих домыслов, и получает их опровержение от Александра, с кем у нее завязывается роман, в сцене их расставания она все равно выкрикивает в его адрес обидные слова *дикарь, зверь, неотесанный варвар, глупый белый медведь* (Там же, с. 248–249). Набор этих стереотипов о России традиционен для европейцев в художественной литературе начиная с XVI в., о чем не раз писали отечественные исследователи [4; 5; 10; др.].

Сам вид московитов, столь отличный от местных жителей, возбуждал в итальянцах интерес и издевку: «Вокруг них всегда собирались толпы народа, разглядывали их без всякой церемонии и <...> подсмеивались» [9, с. 129]. Наряды русских (парчовые расшитые кафтаны, высокие меховые шапки – странные, но богатые, с точки зрения итальянцев) были «зрелищем для народа, а южный народ жадно ищет зрелищ» (Там же, с. 132).

Русский колорит проявляется и в том, какие дары везут послы: соболиные и горностаевые меха, ремень (Там же, с. 111), и в том, что иностранцев они угощают водкой (Там же, с. 132), а Александр отказывается целовать прекрасной синьоре Лауре руку, объясняя, что на его родине «нет обычая целовать руки чужих женщин» (Там же, с. 158). Время от времени он тоскует по родине, вспоминая звон колоколов, напев русской песни, скрип саночных полозьев, аромат черемухи и сирени, озаряемые светом лампад образа (Там же, с. 231).

С появлением «форестьеров» (иностранцев) по городу распространяются слухи, «далеко не всегда верные, с различными прибавлениями» (Там же, с. 129) о варварстве русских: о том, что те едят руками, а с тех пор, как узнали вилку, «берут с блюда кусок руками, потом втыкают в него вилку и отправляют в рот» (Там же, с. 189), о том, что русские «живут очень грязно и спят где ни попало, на полу, не раздеваясь», хотя в действительности итальянцы не имели шанса лично убедиться в этом (Там же, с. 129).

Однако и восприятие итальянцев русскими имеет преимущественно негативную окраску. Члены посольства зовут их нехристями, басурманами [9, с. 133], еретиками погаными (Там же, с. 234), идолами (Там же, с. 182), – в этом выражается конфессиональный антагонизм. Итальянских женщин они считают «срамницами» (Там же, с. 136), развлечения местной светской жизни – ведьменским шабашем (Там же, с. 221), позорищем греховным, дьявольским наущением, а надеваемые венецианцами маски – харями черными (Там же, с. 182), богомерзкими образами (Там же, с. 219), харями карнавальными (Там же, с. 251).

Так же, как тиражируемые чичисбеем небывальщины о России – сплошь преувеличение и выдумка, свидетельства вернувшегося домой Чемоданова далеки от истины. Домашним он рассказывает, что в Италии круглый год зеленые деверья, на которых «растут золотые яблоки» (Там же, с. 262) (их он, впрочем, привезти не мог, так как они бы испортились). На вопрос жены, видел ли он «людей с песьими головами», он отвечает: «Как же, пришлось сию погань видеть! <...> Я там и чертей видел» (Там же). Чтобы поразить родных заморским чудом, ради красного словца Чемоданов на ходу изобретает небылицы. Такое мифотворчество, по-видимому, свойственно не только русским и итальянцам, но любой нации. В романе русских послов посещает французский резидент. Удовлетворив свое любопытство, он «послал в Париж интересное сообщение о “московитах”, в котором правды было много – целая десятая часть», – иронизирует автор (Там же, с. 171).

Зачастую русские зовут итальянцев «немцами» (например, во фразе Чемоданова: «Только чтобы эти немцы, али там итальянцы, что ли, вашего удивления не замечали»). Для носителя русского народного сознания XVII (и даже XVIII–XIX) века «немец» – не обязательно выходец из германских земель, но любой европеец, чужестранец, неправославный, «немой» (не говорящий по-русски). Эта тенденция прослеживается как в литературе, так и в русском фольклоре, и в романе Соловьева связь самосознания героев с народной патриархальностью ярко выражена в их речи. Так, удивляясь изобретательности итальянцев, Чемоданов говорит: «Ишь ты, до чего исхитрились немцы» (Там же, с. 148), «Хитры они, немцы, на всякие измышления» (Там же, с. 210). Эти высказывания созвучны пословицам из сборника Даля: Немец хитер – обезьяну выдумал; Немец без штуки с лавки не свалится; У немца на все струмент есть; Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает) [3, с. 271].

Однако две нации не воспринимают друг друга исключительно негативно. Они способны подметить в «чужом» и что-то положительное, и даже похвалить чужака. Так, красотой природы и зодчества Италии русские искренне восхищаются; возвращаясь домой через Амстердам, хвалят чистоту города: «такой нигде не видывали» [9, с. 254]. Приятно удивленный торжеством устроенных посольству проводов, Чемоданов, смягчившись, говорит: «Знатно провожают! <...> Добрый народ, вежливый, жаль вот, что немцы и басурманы» (Там же, с. 151). То же можно сказать об итальянцах: их отношение к русским как к «северным варварам» соседствует с интересом к далекой Моско-

вии, признанием в ней сильного государства, устраиваемые послам приемы подчеркнута помпезны.

Московиты очень дорожат своей религией и всячески оберегают православие от возможных посягательств иноверцев. Анжиолетте, удивленной тем, что «московский медведь» носит христианское имя, возмущенный Александр отвечает: «Я христианин, и даже более христианин, чем вы, синьора» [9, с. 164]. И в путешествии послы не забывают соблюдать Великий пост и молятся в минуты искушений. На вопрос, приедут ли русские послы к папе в Рим, те отвечают: «В Рим нам ехать незачем, ибо мы русские, православные, и папе римскому во век не поклонимся» (Там же, с. 172). И только греков русские считают братьями по вере: послы идут в греческую церковь, где их встречают «с большой торжественностью», после совместной амвонной молитвы греки восхваляют Алексея Михайловича как «пресветлого, непобедимого, сильного, преславного, благочестивого и благоверного защитника церкви Божией восточной, рачителя благочестия» (Там же, с. 183).

Итак, есть все основания полагать, что в историческом романе «Царское посольство» Вс.С. Соловьев с большой достоверностью отразил обстоятельства пребывания русской миссии в Италии (отметим, что именно исторические романы Соловьева пользовались наибольшей популярностью, ставя его имя в десятку наиболее читаемых авторов петербургских публичных библиотек рубежа XIX–XX вв. [2, с. 117]). Этот роман, обладающий богатейшим имагологическим материалом, в очередной раз подтвердил бытующие среди европейцев XVII в. (и раньше, и позже этого) стереотипы восприятия России как северной варварской страны, где полгода мороз, по улицам гуляют медведи, где роскошь соседствует с нищетой, а люди живут в невыносимых условиях и не знакомы с хорошими манерами. Преувеличение и выдумка свойственны и стереотипному восприятию итальянцев русскими: для них Европа – это край, где обитают нехристи, басурмане, где творятся всякие непотребства – обитают люди с песьими головами и можно встретить черта. Особую роль в оценке русскими людьми европейской действительности играет их религиозность и убежденность в истинности только православной веры: разные проявления жизни иностранцев (балы, маскарады, раскованность женщин, даже стиль изображения святых в ракурсе светского

искусства) воспринимаются ими как грех и богохульство. Стоит согласиться с мнением Е.В. Никольского, что роман показывает кризис обеих стран: для Италии – нравственного оскудения, а для России – социально-культурного застоя [7, с. 179]. И все же изредка русские отмечают положительное в жизни чужаков, а порой и готовы у них поучиться.

Восприятие народами друг друга эмоционально насыщено, экспрессивно: для русских все в Италии необычно и поражает, и наоборот, «дикие» московиты рождают огромный интерес к себе итальянцев. Удивление непривычным, отличным от «своего» подталкивает обоих к еще большему мифологизированию образа «чужого», рождая фантастические легенды. Приключения русских послов в Италии наполнены добродушным юмором автора, простодушно рисующего встречу двух культур, преисполненных стереотипными суждениями друг о друге.

Литература

1. Быков, П. В. Вс. С. Соловьев: его жизнь и творчество / П. В. Быков // Соловьев Вс. Полное собрание сочинений. – Петроград : Тип. П. П. Сойкина, 1917. – Кн. 1. – 184 с.
2. Васильева, С. А. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева : монография / С. А. Васильева. – Тверь : Марина, 2007. – 206 с.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 томах / В. И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.
4. Зеленин, А. В. Образ России и русских у Шекспира / А. В. Зеленин // Русская речь. – 2005. – № 3. – С. 91–98.
5. Михальская, Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX в. / Н. П. Михальская. – Москва : МПГУ, 1995. – 150 с.
6. Никольский, Е. В. Историческая романистика Всеволода Соловьева. Типология жанра / Е. В. Никольский. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2010. – 206 с.
7. Никольский, Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Никольский Евгений Владимирович. – Тверь, 2014. – 546 с.
8. Сахаров, А. Н. Предисловие / А. Н. Сахаров // Соловьев Вс. Царское посольство. Царь-девица: исторические романы. – Москва : Дружба народов, 1994. – 429 с.
9. Соловьев, Вс. Царское посольство / Вс. Соловьев. – Москва : МП «Фирма АРТ», 1993. – 288 с.
10. Ощепков, А. Р. Россия в письмах и дневниках Стендаля / А. Р. Ощепков // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 96–104.

E. V. Papilova

MUTUAL PERCEPTION BETWEEN RUSSIANS AND ITALIANS IN VSEVOLOD SOLOVYOV'S HISTORICAL NOVEL «THE TSAR'S DELEGATION»

Vsevolod Solovyov's historical novel «The Tsar's Delegation» is based on real historic events, when Tsar Alexei Mikhailovich sent a diplomatic delegation to the Republic of Venice in 1656. In the novel the Russian ambassadors, being in Europe for their first time, are fascinated with everything they see, involuntary comparing this unknown place with Russian realities, and they either become dissuaded in their fantasies about the «alien» peoples, or in some cases, they even strengthen their critiques and create more myths about the «aliens». In this article the novel is analyzed in the context of imagology. Stereotypical views of both Russians and Italians about each other are considered. The author determines the stereotypes of perception held by the two nations, emphasises the great role of religious consciousness in it, and makes a conclusion about the emotional intensity of the interaction of the two nations' representatives.

Vsevolod S. Solovyov, «The Tsar's Delegation», historical prose, 17th century Russia, imagology, image of Russia, image of Italy.